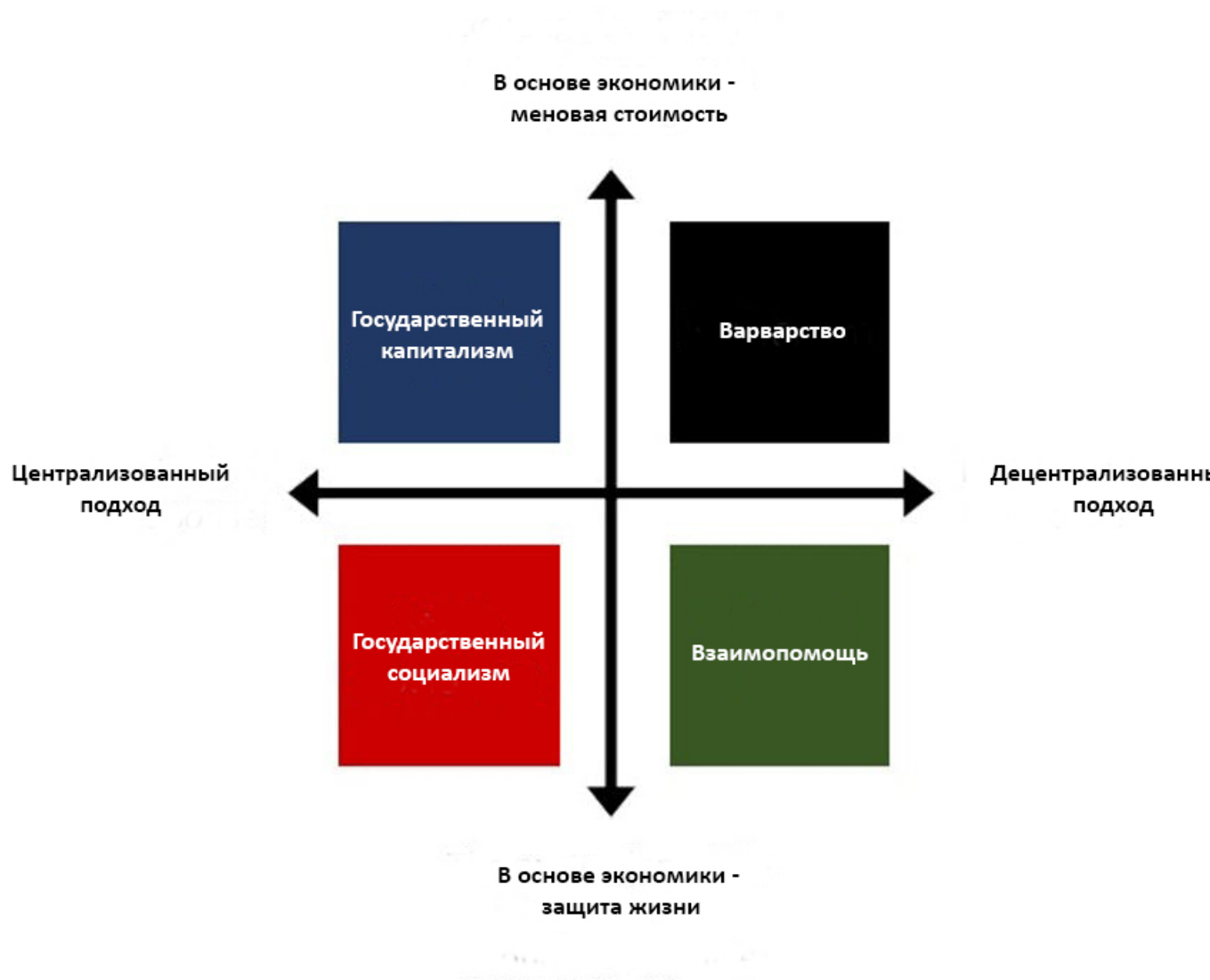

Чтобы вместе с вами заглянуть в завтрашний день, я воспользуюсь техникой из области исследований будущего. Нужно взять два фактора, которые, как вам кажется, будут принципиальны для развития, и представить, что случится при их комбинировании.

Факторы, которые я хочу рассмотреть, это стоимость (в марксизме — общественное свойство вещей, которое они приобретают в условиях товарного производства. Выделяют потребительную стоимость или ценность вещи как предмета потребления, и меновую стоимость — ценность вещи как предмета рыночного обмена — прим. РСД) и централизация.

Вопрос о стоимости отсылает к одному из возможных ключевых принципов нашей экономики.

Используем ли мы ресурсы, чтобы максимизировать обмен и деньги или чтобы максимизировать жизнь?

Вопрос о централизации отсылает к тому, как все организовано, множеством малых агентов или одной большой руководящей силой. Мы можем составить эти факторы в цепочку, а затем развернуть их в сценарии. И подумать о том, как могли бы выглядеть четыре экстремальных реакции на коронавирус:

1. Государственный капитализм: централизованное решение, приоритет меновой стоимости
2. Варварство: децентрализованный ответ, приоритет меновой стоимости
3. Государственный социализм: централизованный ответ, приоритет — защита жизни.
4. Взаимопомощь: децентрализованный ответ, приоритет защиты жизни.

Государственный капитализм

Госкапитализм — это основной ответ на пандемию, который мы видим сегодня по всему миру. Характерные примеры — Великобритания, Испания и Дания.

При госкапитализме общество продолжает ориентироваться на меновую стоимость как на главенствующий принцип экономики.

Но оно признает, что рынки находятся в кризисе и требуют поддержки от государства. Учитывая, что многие работники не могут работать из-за болезни и опасения за свои жизни, государство выступает с расширенной программой социальной поддержки. Оно также включает массированное кейнсианское стимулирование посредством предоставления кредитов и прямых выплат бизнесам.

Расчет здесь на то, что все продлится недолго.

Основная задача таких мер – позволить как можно большему количеству бизнесов оставаться на плаву.

Например, в Великобритании продукты по-прежнему распространяются через рынок (хотя правительство ослабило законы конкуренции). Там, где работников поддерживают напрямую, это делается, чтобы минимизировать обвал рынка труда.

Так в Великобритании выплаты работникам получают и распространяют работодатели. А размер выплат высчитывается на основе меновой стоимости, которую обычно создает работник на рынке, а не на основе практической ценности его труда.

Окажется ли этот сценарий успешным?

Возможно, но только если коронавирус удастся поставить под контроль за короткий период. В США, например, продолжается необязательное строительство, рабочие вынуждены трудиться бок о бок на стройках.

Но ограниченное государственное вмешательство будет реализовывать все сложнее в случае возрастания смертности. Увеличение числа заболевших и умерших вызовет волнения и усилит экономический кризис, вынуждая государство прибегать ко все более и более радикальным действиям, чтобы сохранять рынок на плаву.

Варварство

Это самый мрачный сценарий. Варварство станет нашим будущим, если мы продолжим опираться на меновую стоимость как главенствующий принцип и откажем в поддержке

тем, кто выключен из рынков из-за болезней и безработицы. В этом случае мы окажемся в невиданном прежде положении.

Бизнесы рушатся, а работники голодают, потому что нет механизмов, способных защитить их от жестоких рыночных реалий. Нет чрезвычайных мер поддержки больниц, которые оказываются переполнены. Люди умирают. Варварство — это нестабильное состояние, которое перетекает в одну из перечисленных форм после периода политических или социальных катастроф.

Возможно ли такое? Это может случиться либо по ошибке — во время пандемии, либо в результате сознательных действий — после ее пика.

Ошибкой станет неспособность правительства на серьезное вмешательство на пике пандемии. Власть может поддерживать бизнесы и домохозяйства, но этого недостаточно для спасения рынка от распространения болезни, так что хаос будет усиливаться.

Больницам могут направляться дополнительные средства и человеческие ресурсы, но этого недостаточно. Заболевшие будут умирать в больших количествах.

Настолько же возможно введение массовой жесткой экономии после пика пандемии, когда власти будут стремиться вернуться к «нормальной ситуации». Такая угроза есть в Германии. Это будет катастрофа. В том числе потому, что именно сокращение критически важных служб в рамках политики строгой экономии уже помешало государствам справиться с пандемией.

Последующий крах экономики и общества вызовет политический и социальный хаос, ведущий к коллапсу государства и любых систем социальной защиты.

Государственный социализм

Государственный социализм – один из возможных вариантов будущего, в котором в центре экономики находится иной вид стоимости. Это будущее, которое нас ждет при расширении тех мер, которые мы видим в Великобритании, Испании и Дании.

Принципиально то, что меры вроде национализации больниц и выплат работникам видятся не как способы защитить рынки, а как способ защитить саму жизнь. При таком сценарии государство берет под защиту те отрасли экономики, которые необходимы для выживания. Производство продуктов, энергии, и, скажем, обеспечение жильем как основные условия выживания выводятся из-под власти рынка. Государство национализирует больницы и предоставляет жилье. Наконец, оно обеспечивает всем жителям доступ к разнообразным благам — как базовым, так и прочим потребительским товарам, которые мы можем произвести в условиях сокращения рабочей силы.

Граждане уже не полагаются на работодателей как посредников между ними и базовыми условиями выживания. Выплаты делаются людям напрямую и не связаны с меновой стоимостью, которую они создают. Выплаты одинаковы для всех (основание: мы имеем право жить просто потому что являемся живыми существами), или же основаны на практической ценности труда. У работников супермаркетов, водителей доставки, погрузчиков на складах, медсестер, учителей оказываются ключевые позиции.

Возможно, госсocialизм выйдет из опыта госкапитализма и станет итогом затянувшейся пандемии. Если случатся глубокие рецессии и разрывы цепочек поставок, так что перестанет быть эффективной стандартная кейнсианская политика, которую мы видим сегодня (печатание денег, доступные займы и т.п.), государство может взять контроль над производством.

В этом подходе есть риски: нужно быть бдительными, чтобы избежать авторитаризма. Но если все будет сделано верно, такая система может стать нашим главным орудием против повального распространения коронавируса. Сильное государство способно направлять ресурсы для защиты ключевых функций экономики и общества.

Взаимопомощь

Взаимопомощь – еще один вариант будущего, в котором мы принимаем защиту жизни как

основной принцип экономики. Но в этом сценарии определяющую роль играет не государство, а отдельные люди и маленькие группы, которые начинают заниматься поддержкой и заботой внутри своих сообществ.

Риски такого будущего в том, что маленькие группы неспособны быстро мобилизовать ресурсы, которые необходимы, чтобы, например, качественно усилить здравоохранение.

Но взаимопомощь может более эффективно противодействовать переносу инфекции, выстраивать сети поддержки внутри сообщества, которые защищают уязвимых и следят за соблюдением правил изоляции.

Самая амбициозная форма такого будущего подразумевает возникновение новых демократических структур.

Объединение сообществ, способных относительно быстро мобилизовать серьезные ресурсы. Люди, собирающиеся, чтобы на местном уровне планировать ответы на распространение болезни и (если есть навыки) лечить пациентов.

Этот сценарий может возникнуть из любого другого. В нем – возможное преодоление варварства, госкапитализма, а также поддержка для госсocialизма. Мы знаем, что действия сообществ были ключевыми для борьбы с эпидемией лихорадки эбола в Западной Африке. И мы видим зачатки такого будущего сегодня — в группах, организующих доставку продуктов и лекарств. Мы можем воспринимать это как провал государства. А можем — как прагматический, вызванный сопереживанием ответ общества на разворачивающийся кризис.

Надежда и страх

Это сценарии, доведенные до гротеска, они могут пересекаться друг с другом. Мой страх – погружение госкапитализма в варварство. Моя надежда – соединение госсocialизма и взаимопомощи, сильное демократическое государство, мобилизующее ресурсы для построения более сильной системы здравоохранения, делающее упор на

защиту уязвимых от прихотей рынка и дающее возможность гражданам формировать группы взаимопомощи вместо того, чтобы заниматься бессмысленными работами.

Надеюсь, очевидно, что все эти сценарии оставляют почву для страха, но также и для надежды. Коронавирус высветил серьезные бреши в существующей системе.

Эффективный ответ скорее всего потребует радикальных политических изменений. Я убежден, что он потребует отхода от рынка и от использования прибыли как основного способа организации экономики.

Плюс в том, что у нас появляется возможность построить более гуманную систему, которая лучше защитит нас от будущих пандемий и других кризисов вроде изменения климата.

Изменения в обществе могут начинаться в разных местах и оказывать разное влияние. Наша ключевая задача – требовать, чтобы новые социальные формы проистекали из этики, которая ценит заботу, жизнь и демократию. Главная политическая задача в период кризиса – выживать и (виртуально) организовываться вокруг этих ценностей.

[Полный текст статьи](#) .

Саймон Мэйр – специалист по экологической экономике, Университет Суррей, Англия.

Перевод Кирилла Медведева.

Источник материала: [«Российское социалистическое движение»](#)

